

Александр Сих

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

В плену

Александр Станиславович Сих

В плену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64027517

SelfPub; 2024

Аннотация

После 4 повестей, пьесы и множества рассказов, это первый роман Александра Сиха. Так, по крайней мере, утверждает сам автор. Роман небольшой по объёму, но объёмный по содержанию. Как его вкратце можно охарактеризовать? Роман-притча? Роман-аллегория? Роман-фантазия? Пожалуй, все эти определения с полным правом подходят к роману "В плену". Издание второе: исправленное и дополненное. Содержит нецензурную брань. Самую малость, для усиления эмоционального фона.

Александр Сих

В плену

Прикованные к жизни на позор,
Не различая больше тьмы и света,
Рисуем свой жизненный узор
На грубом полотне безумия и бреда.

«Я пришёл призвать не праведников,
Но грешников к покаянию».
Евангелие от Марка Гл. 2, стих 17

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каждый гражданин, имеющий миллион, мечтает иметь два миллиона. А каждый гражданин, имеющий миллиард, мечтает иметь два миллиарда. Для начала. Мечта возрастает по мере её осуществления. А принцип её осуществления выражен в первой половине девиза иезуитов: «Цель оправдывает средства». Поэтому, средства используются любые, и никто за цену не стоит. О душе речь не идёт вообще.

Миллионеры смотрят на миллиардеров как на господ – с лукавым подобострастием и безмерной чёрной завистью. А миллиардеры смотрят на миллионеров как на холопов – с небрежной снисходительностью и дружеским высокомери-

ем.

Все остальные граждане мира для тех и других существуют лишь для того, чтобы, не щадя сил, здоровья, а то и самой жизни, помогали осуществлению их заветной мечты.

Хотя и здесь всё выглядит в высшей степени благопристойно. Если в социалистическом прошлом советские историки характеризовали капиталистов не иначе, как эксплуататоров и мироедов, то теперь они благодетели, предоставляющие людям рабочие места и средства к существованию.

И всё бы ничего, если бы эти рабочие места оплачивались по совести. Но совесть и капитал – категории противоположные. Количество капитала обратно пропорционально наличию совести. Чем больше первого, тем меньше второго. Хотя про совесть лучше вообще помалкивать. Это то, что не имеет цены, а потому, наверное, и не пользуется спросом.

Но так устроен этот мир, что все не могут быть богатыми. Если бы все были миллионерами, никто не хотел бы работать. Но и все, однако, не могут быть нищими. А это уже радует. Нищий нищему ни хрена не может дать, а богатый нищему, смотришь, что-нибудь и подкинет. Под настроение. Под эмоциональный, так сказать, градус.

Но всех людей люто объединяет то, что все они разные. И не по сословию и состоянию, а и по своему частному менталитету. В том числе, и люди крайне состоятельные.

Когда первоначальный этап бешеной гонки к заветной «крезовской» мечте оказывается позади, вступает в силу ин-

дивидуальная харизма капиталиста. Кто-то продолжает давить на газ, лишь иногда притормаживая; кто-то сбавляет обороты, с удивлением наблюдая окружающий ландшафт; а кто-то переходит на «нейтралку», погружаясь в манящие воды утех, наслаждений и необузданных страстей.

И вот эти третьи, чтобы совсем не остановиться и не заглохнуть, должны иметь альтернативные источники питания. Они имеют доли в различных корпорациях и занимаются инвестициями. Доли приносят стабильный доход, а инвестиции зависят от многих факторов. Это уже игра. Но не в рулетку, а, скорее, в карты.

Инвестиции, в обычном понимании этого слова, это спекуляции. Но спекулянт – слово крайне обидное и даже уничижительное. И вполне возможно, что уголовно наказуемое. Инвестор же – слово красивое и в высшей степени благородное.

Но не самое. Самое благородное занятие бомонда – это, конечно же, благотворительность. Её они осуществляют с присущей им прагматичностью, циничностью и дальновидностью.

О их благотворительности должны знать все: и общественность, и госструктуры. Инкогнито кому-то помогать – это деньги на ветер. А деньги на ветер выбрасывать не хочет никто. Даже в самую безветренную погоду.

Дмитрий Михайлович Зерноклюев, среднего роста шатен 54 лет, принадлежал к третьей категории миллиардеров. Он

был человек умный, образованный, проницательный, трезво и здравомыслящий, с хорошо развитым инстинктом самосохранения.

Когда его начали вытеснять из активного крупного бизнеса, с ведущих ролей, в первую очередь именно они, здравый смысл и инстинкт самосохранения, категорично заявили: «Мы не желаем иметь с тобой ничего общего, если тебя, остолопа, пристрелят, придушат, придавят или отравят! Лучше жить богато и спокойно, чем богато и беспокойно».

И Дмитрий Михайлович, вместе со своими капиталами, покинул родину. Он, как и положено странствующему миллиардеру, купил в разных уголках земного шара недвижимость, построил яхту, приобрёл футбольный клуб и, чтобы не слыть снобом, жлобом и хамом, приобщился к искусству, культуре и благотворительности.

Особенно трепетными и почти благоговейными были отношения чуткого магната с церковной властью. Дмитрий финансово спонсировал воссоздание храма, восстановление собора, реставрацию иконостаса, что в итоге вылилось в ответную благодарность. Патриарх лично вручил ему Орден святого преподобного Серафима Саровского.

Расчувствовавшийся олигарх смиренно склонил голову, а в душу проник холодок, выстрелив в мозг кощунственной мыслью о возможном – конечно, в будущем – причислении его к лику святых.

Однако истинным проявлением совей принадлежности

к высшему свету, заслуживающим безоговорочного уважения, является коллекционирование шедевров мирового искусства.

Господин Зерноклюев не желал быть изгоем и посмешищем в славной когорте лучших представителей человечества, и к этому эстетическому искусству он приобщился ещё будучи энергичным слугой почитаемого в их среде Мамоны. В частности, это касалось приобретения картин известных мастеров кисти.

Так, вложив порядка 2 миллиардов долларов, за десяток лет он приобрёл значимые работы Пикассо, Родена, Модильяни, Матисса, Гогена и некоторых других прославленных имён. Апофеозом художественной авантюры явилась известная картина гения эпохи Ренессанса, купленная частным образом, а проданная на аукционе за рекордные 450 миллионов.

Вот так и шла обычная жизнь в обычных повседневных заботах обычного миллиардера. С мелкими радостями, но без эйфории. С мелкими неприятностями, но без инфарктов. Даже пиковый период коронавируса не доставил особого беспокойства состоянию Дмитрия Михайловича. Ни телесному, ни финансовому. Разорились миллионы фирм мелкого и среднего бизнеса, но мировые тузы на всех, вместе с Covid-19, чихнули и... обогатились. Военной промышленности, чтобы иметь хорошую прибыль, нужны военные конфликты, переходящие в полномасштабные войны. Фарма-

цевтической же промышленности для роста (скачка) финансового потока нужны новые массовые болезни – вирусы. Желательно, чтобы в виде эпидемий и пандемий. Получится одновременно финансовый прыжок в высоту и длину.

Но вот весной 2021 года случилось событие, слегка взбудоражившее устойчивый и уравновешенный внутренний мир Дмитрия. Ему поступило одно очень заманчивое, но и крайне рискованное предложение.

Именно по этому поводу он собрал ограниченный контингент доверенных лиц на своей яхте в порту Лимания. И хотя погода была замечательная, хозяин не рискнул проводить встречу на верхней палубе, а увёл гостей в роскошную гостиную.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Потолок и стены, отделанные метеоритными камнями в платиновой оправе, были сливочно-белого цвета. Пол был устлан ковром, сотканным вручную в Тибете.

Гости, а их было трое, вместе с хозяином расположились возле столика из умнини, на котором стояли бокалы и бутылки с разными сортами вин и прохладительными напитками.

– Господа, – обратился к собравшимся Дмитрий с едва заметной ироничной улыбкой. – Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам...

Он нарочито сделал паузу и попеременно посмотрел в гла-

за каждому сидящему.

Борис Жестков, телохранитель и верный товарищ, поднял бокал с «Петрусом», улыбнулся боссу и залпом выпил.

Алексей Сизов, финансовый консультант и друг, и Арсений Перминов, искусствовед, вызванный из России, старый знакомый Дмитрия, получившие образование ещё в Советском Союзе, понимающе засмеялись и насторожились.

Хозяин продолжил:

– Я вас собрал, друзья мои, в этом уютном и укромном местечке по очень важному делу.

– Та-а-а-к, – протянул Алексей. – Я так понимаю, что грядут непредвиденные расходы?!

– По делу, – твёрдо продолжил Дмитрий, глядя на финансового друга, – окончательное решение по которому уже принято. Осталось лишь обсудить некоторые детали.

– Все финансовые детали, – веско заявил Алексей, – с перебоями работают в общем механизме. А запасных частей в наличии не имеется.

– Лёха, – добродушно сказал хозяин, усмехнувшись, – у хорошего механика запчасти всегда имеются в наличии. Если, конечно, он хороший механик?! А финансовый химик всегда изыщет свободные финансовые радикалы, будь они в любом виде: жидком, твёрдом или газообразном.

Финансист недовольно дёрнул плечами:

– Все свободные финансовые радикалы направляются на постройку твоей 120-метровой яхты. – И язвительно

спросил. – Может, отрежем метров сорок?

Дмитрий был спокоен и улыбочив:

– Никакого обрезания не будет. Мы люди православные, а не какие-нибудь бусурмане. У других отрезать – да, согласен. Но не у себя.

– Смотри, чтобы другие не отрезали у тебя без твоего ведома, – предостерег Алексей. – Когда ум под наркозом, бдительность теряется.

– Не стоит хамить работодателю, – без злобы, но жёстко сказал Дмитрий. – Мой ум бодр и бдителен при любой анестезии. Пойми, я должен войти в этот чёртов клуб стометровых жлобов. – И уже более мягким тоном. – Лёха, я знаю твою дотошность в финансовых делах, но не надо со мною юлить. Я не меньше твоего осведомлён, как обстоят дела с моими капиталовложениями. А весь этот ажиотаж с вирусом задуман с одной целью. – Чуть задумался. – Хотя, нет. Всё-таки, он преследовал две цели. Первая, – это нанести удар по мелкому и среднему бизнесу. Что, понятное дело, выгодно крупному. И вторая, – это напугать и разъединить людей. И без того напуганных и разобщённых. И, прикрываясь мерами безопасности, прижать их к ногтю. А, как известно, если кто-то теряет, то кто-то и находит. Крупный капитал лишь укрепляет свои позиции. Правда, не все. Но на это есть субъективные причины. А у нас всё в полном порядке.

Алексей в эту палитру добавил своих красок:

– И у нас не всё так гладко, как хотелось бы. Но хорошо

ещё, что нет больших углублений. А о твоих гипотезах в области вирусологии я уже слышал. И ещё раз скажу – это всего лишь твои частные предположения, не обоснованные фактами. В интернете можно найти гипотезы и покруче.

– К сожалению, это так, – как-то грустно согласился хозяин. – До высот таких секретов мне не добраться никогда. Допускаю, что в действительности всё намного страшнее. Они открыли сундук Пандоры, глубину которого никто не знает. И когда и чем всё это закончится, тоже никто не знает. Разве что... эх, жаль, что меня так никогда и не пригласят на форум Бильдербергского клуба. Даже не сам форум, а на закрытое заседание "политбюро" этого форума. Только, думаю, они хоть и мировые тузы, но не джокеры. – Он многозначительно посмотрел на друга, потом на искусствоведа, но эту мысль развивать не стал, а резюмировал о себе любимом горделиво и оптимистично. – Но на своей высоте я хозяин и господин!

Алексей сдался:

– Хорошо. В какую, примерно, сумму может обойтись эта деталь? А точнее, картина. Судя по тому, что с нами многоуважаемый Арсений Викторович, это не может быть палантин из шиншиллы, украшенный "несравненным" бриллиантом?!

– Ты прав, – согласился хозяин, не снимая улыбку с лица. – Я хочу приобрести картину. Картину, являющуюся шедевром мировой живописи.

– У тебя уже был шедевр, который ты продал три года назад. Шедевр, которому цены нет.

– Как видишь, – серьёзно сказал Дмитрий, – всему в этом мире есть цена. Даже такому гению.

Алексей в долгу не остался:

– Даже тому, кто изображён на полотне?

– Даже ему, – зло огрызнулся олигарх. – И не мы самые страшные преступники. Мы всего лишь иногда торгуем искусством, а кто-то торгует его именем. Причём, – массово. Вот где самый циничный бизнес. Мы мелкие грызуны на фоне саблезубых тигров.

Атмосфера резко накалилась. Но тут вмешался доселе слушавший и молчавший искусствовед, исполнив роль психолога:

– Господа, надо не спорить о прошлом, а решать настоящее. – И, обратившись к хозяину, деловито спросил. – О какой картине идёт речь?

Дмитрий сделал паузу, посмотрел на Арсения, потомглянул на Алексея и, вернув взгляд на искусствоведа, негромко и обыденно сказал:

– Речь идёт о картине Рембрандта «Христос во время шторма на море Галилейском». Только и всего.

Борис к этому сообщению отнёсся равнодушно. Как, впрочем, и ко всей беседе. Алексей насторожился и напрягся, хотя название картины ему ни о чём не говорило. А вот Арсений Викторович чуть не поперхнулся вином, ко-

гда смысл сказанного через ушную раковину достиг его мозга.

– Этого не может быть! – воскликнул он. А через секунду выдал другое восклицание. – Дмитрий, вы с ума сошли! Она же в розыске! Числится похищенной с девяностого года! Если вас не дурачат и не разыгрывают, то...

– То им придётся горько пожалеть, если кто-то вздумает меня дурачить, – хладнокровно сказал хозяин. – Только я так не думаю. К тому же, дорогой Арсений, именно для этого я вас и пригласил. Вы не просто искусствовед, но и крупнейший специалист по Рембрандту.

– Не только по Рембрандту, – самодовольно уточнил профессиональный ценитель прекрасного, – но и по всей голландской живописи. Хотя, скажу без хвастовства, и это не будет преувеличением, что я не хуже знаю всю живопись периода Возрождения. – А потом и вовсе завернул. – А если честно и без ложной скромности, то я большой знаток живописи вообще.

Арсений аж зарделся от стеснения, ожидая похвалы. Но речь пошла не о его персоне.

– Дима, ты точно сошёл с ума, – спокойно, но с грустью сказал Алексей. – На хрена тебе это надо?

Ничуть не обидевшийся седовласый Перминов, с высоты своей пенсионной мудрости, согласился с прозвучавшим вопросом.

– Да, действительно, – сказал он, вновь взяв бокал

с вином. – Вы только поймите меня правильно, Дмитрий, но к чему все эти траты и риски? Вы не коллекционер, одержимый фанатик живописи. – На это хозяин снисходительно ухмыльнулся. – Вы нигде этим шедевром не похвастаетесь. А просто хранить в чулане...

– Я верну этот шедевр человечеству, – не меняя позы, спокойно и по-домашнему сказал Дмитрий.

– Вы намерены вернуть его в Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне? – уточнил Арсений. – А как вы намереваетесь объяснить нахождение этой картины в ваших руках?

– Мне, по большому счёту, было бы плевать, куда эту картину возвращать, – грубо и цинично заявил олигарх. – Но, исходя из здравого смысла, возвращать целесообразнее туда, откуда она была похищена. Тем более, её всё равно потребуют вернуть, кому бы я ни предложил. Да и не примет никто! Кому нужен скандал? А так, смотришь, заслужи благодарность не только музея и Соединённых Штатов в частности, но и всего человечества в целом.

– Так как же, всё-таки, ты собираешься это сделать? – более настойчиво повторил вопрос Арсения Алексей. – Придётся иметь дело с полицией. Давать не только объяснения, но и показания. Может, ты скажешь, что, купив у американского президента дом, обнаружил в помещении для хозинвентаря пылившегося Рембрандта? Его, беря инструмент, передвигали с места на место садовники, матерно ругаясь.

На этот раз Дмитрий ответил резко:

– Что я скажу, это моё дело. Сейчас речь идёт не об этом. На повестке времени две проблемы, которые нам предстоит решить. Тебе и мне.

– А мне? – подал голос Борис.

– Тебе потом, – отмахнулся босс.

– А именно? – спросил Алексей.

– Первая: купить эту картину как можно дешевле и доставить её в Германию. А перед этим там следует купить солидную недвижимость. Желательно, старинную. Скажем, где-то в окрестностях Дрездена, Гамбурга или Мюнхена. «Плевать чего, но чтоб красиво».

– А мне, я так полагаю, – подал голос искусствовед, – предстоит установить подлинность картины?!

– Правильно полагаете, Арсений Викторович, – подтвердил олигарх и широко улыбнулся.

А Алексей, смирившись с неизбежностью, спросил:

– Ну, и кто продавец? И как он на тебя вышел?

– Продавца ты знаешь, но я тебе его не назову. Таково условие: знать должен только я. Я дал слово. А ты знаешь цену моему слову. – Друг, конечно, знал, но при посторонних говорить, а точнее, называть её, не стал. – Переговоры будем вести через его агента, который находится здесь, в Ницце. Он ждёт моего решения.

Алексей покачал головой и сказал:

– Ох, чувствую мягким местом, что имеем дело с соотечественником?! Ох, чувствую, что беды не оберёмся и горя

хлебнём?!

– Не каркай. Начинать дело надо с расчётливым воодушевлением и скрытым оптимизмом.

Призыв не возымел действия. Друг продолжал канючить:

– Неужели ты забыл, как тебя надул на миллиард твой арт-дилер? От этого искусства одни убытки!

– Убытки от искусствоведов, которые бывают слишком алчны и бесчестны. Поэтому, я пригласил Арсения Викторовича в качестве эксперта только на разовую сделку.

– Ты вспомни судебную волокиту с тем французом-проходимцем?! Сколько лишней суеты?! Сколько потрачено нервных клеток?! А тут дело с русским... с новым русским.

– Вся наша жизнь – это сплошная суета. А нервы, как и деньги, нужны, чтобы их тратить. Так какая разница, на что?! Думаешь, на семейные скандалы лучше? То-то же. А у алчности и подлости нет национальности и расовых различий. Есть хороший человек, а есть подлец и жулик.

Сделав паузу после абстрактных высказываний, Дмитрий продолжил:

– Я не знаю, откуда он взял эту картину, но на аферу и жульничество со мной он не пойдёт. Не решится. Не посмеет. Когда-то он в разы превосходил меня по состоянию, а теперь дела его плачевны. Он, можно сказать, миллиардер-клошар. – Он брезгливо поморщился. – Но терять бдительность нельзя и готовым надо быть ко всему. Безопаснее довериться гороскопу или гадалке, чем российскому бизне-

смену. Ты сам знаешь эту публику.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Самолёт «Фалькон 7х» вылетел из аэропорта «Ницца Кот д Азур» в семь часов утра и взял курс на северо-восток.

На борту, кроме членов экипажа, находилось шесть человек. К четверым, беседовавшим на яхте, присоединились ещё два человека в качестве дополнительной охраны. Бывшие, но ещё молодые спецназовцы, работающие в службе безопасности олигарха Зерноклюева. Оба русские.

Четверо непосредственных участников секретной миссии расположились в обеденной зоне, отослав охранников в спальную часть салона.

Через десять минут полёта пилот-француз сделал сообщение на своём родном языке:

– Месье, мы парим на высоте трёх миль. На земле весна, а здесь, за бортом, зима. Температура воздуха минус 17. При благоприятном стечении обстоятельств, кои, надеюсь, нам будут сопутствовать, в аэропорт «Внуково 3» мы прибудем через три с половиной часа. Надеемся на Всевышнего и получайте удовольствие.

Арсений Перминов к непонятному сообщению остался безучастным. Дмитрий и Алексей едва заметно усмехнулись. А Борис хмыкнул и крикнул в сторону кабины пилотов:

– Ты лучше крепче держи «баранку» и следи за дорогой!

– Вот именно, – вдруг серьёзно поддержал телохранителя олигарх. – Каркает тут. Шутник.

– Ладно, пусть пока пошутит, – отозвался Борис. – Но если что-то пойдёт не так, я его первым выброшу за борт. Пусть летит эта ворона домой своим ходом. – И, посмотрев на босса, предложил. – Ну что, Михалыч, пора бы подкрепиться?! Одним кофе сыт не будешь.

– Да, пожалуй, – согласился Михалыч и посмотрел на остальных спутников, расположившихся напротив. – Вы, полагаю, тоже не особо сыты?

Финансист и искусствовед кивнули головами. Первый утвердительно, второй отрицательно. Что в обоих случаях сводилось к общему знаменателю: финансист – да, не особо сыт, искусствовед – нет, не особо сыт.

– Давай, Боря, – скомандовал Дмитрий, – распаковывай сумки. Чего нам там собрала Изабель?!

Спустя несколько минут стол был сервирован. На нём красовались известные французские блюда: касуле, тартифлет, нисуаз и киш. Доводили до гастрономической гармонии этот натюрморт лучшие французские вина: «Шато Лагранж», «Сотерн» и «Шабли».

Хозяин налил себе, Алексею и, задержав руку с бутылкой над бокалом Арсения, вежливо спросил:

– Арсений Викторович, пригубите в такую рань малость? Искусствовед изобразил на своём лице недоумение и удивление:

– Неужели я выгляжу настолько плохо? – И скромно улыбнулся. – Отменное вино за счёт заведения можно выпить и ночью. – И добавил. – В меру, конечно. Которую выставит заведение.

– Заведение, к сожалению, в данных условиях само ограничено. Но всё что на борту, в вашем полном распоряжении, дорогой Арсений Викторович.

– Большое спасибо, – ответил искусствовед, не рискнув больше шутить.

Когда завтрак подошёл к десерту, Алексей обратился к другу и боссу, вновь выражая сомнение и волнение:

– Дима, ты, конечно, меня извини, но я даже здесь, в самолёте, против этой сделки. Причём, категорически! Хоть это и не совсем моё дело, но...

– Лёха, и ты извини, но это совсем не твоё дело, – резко перебил уже не друг, а босс. – Я уже давно всё решил. И помешать мне в этом могут только невероятные обстоятельства.

Но зануда финансист сделал последнюю попытку:

– Предчувствие у меня! Интуиция, если хочешь!

– Не хочу, – буркнул в ответ Дмитрий.

– Вот помяни моё слово, добром это не кончится, – уже без запала сказал Алексей. – Ты слишком легкомысленно относишься к картинам подобного рода. Прошлого Христа ты купил, а потом продал...

– Заметь, с огромным наваром, – самодовольно, с небреж-

ной улыбкой, дополнил олигарх.

– Да, – согласился Алексей, – с огромным наваром. А теперь опять картина с Христом. Может, не стоит так часто искушать судьбу? Торговать... такими вещами. Ну, так, на всякий случай. Бережёного, как говорится...

– Это суеверие или страх? – вновь бесцеремонно перебил Дмитрий. – А, понял, это суеверный страх. Или страшное суеверие?

– Может быть, – чуть повысив голос, согласился финансист. – Хотя я человек и не религиозный, но к некоторым вещам и сомнительным сделкам отношусь с опаской и предубеждением. – И вдруг почти умоляюще закончил. – Дима, ну давай купим другую картину! Любую! Пусть даже дороже!

Проигнорировав дружеский призыв, олигарх обратился к искусствоведу:

– Арсений Викторович, вы всё необходимое оборудование взяли? Не примите за личное оскорбление, это я так, на всякий случай.

– Я понимаю. Не беспокойтесь, с моей стороны ошибки не будет. Гарантия сто процентов. Даже больше.

– Вот и прекрасно. А теперь, я думаю, самое время перейти в клубную зону и позволить перекусить доблестным преторианцам.

Никто возражать не стал.

– Если позволите, – сказал искусствовед, когда они усе-

лись в мягких и удобных креслах, расположенных по два с каждой стороны столика, – то я выскажу некоторые соображения об искусстве в целом и о картинах в частности?! Хочется немножко поболтать, но больше всего хочется поделиться знаниями и опытом, которые уже совсем не те, которые были в наивную молодость и в не очень зрелую зрелость. Знания без опыта, это корабль без такелажа. Можно находиться на судне, но плыть к цели невозможно.

– Конечно, – великодушно позволил Дмитрий. – Лучше послушать профессионала, чем слушать дилетанта об одолеваяющих суеверных страхах.

Арсений широко улыбнулся.

– Иногда дилетант оказывается прав, а профессионал упорствует в своём заблуждении, – сказал он, поглядывая то на Алексея, то на Дмитрия. – И только потому, что первому намного легче признать свою ошибку, чем второму. Профессиональное честолюбие и горделивая слепота. – И вдруг спросил. – Знаете, кто становится искусствоведом?

– Люди, беззаветно влюблённые в искусство, – ответил Алексей, желая сделать комплимент собеседнику.

Искусствовед, продолжая улыбаться, согласно кивнул головой:

– Да, именно так. Бездарности, влюблённые в искусство. Это, знаете, как говорят про ПВО – сами не летаем и другим не даём. Мы сами ничего не создаём, но зато как строги в своих рецензиях по отношению к другим. Мы счита-

ем, что об искусстве мы знаем абсолютно всё. Даже лучше и больше, чем сами творцы. Они слепы в своей узости мышления, а мы мыслим глобально, но в то же время мелко и детально. Скрупулёзно. Художник поглощён своим внутренним миром, а мы поглощены миром художников и их творений, проецируя на них свой мир. А ещё мы страшные лодыри и бездельники. Хотя, нет. Бездельник, это человек без дела. А мы всегда при деле. По крайней мере, ваш покорный слуга именно такой субъект. Творческий человек – это колоссальное напряжение духа, мысли и нервов. Даже в творческом простое он не отдыхает. Он в поиске. А поиск, зачастую, процесс более трудоёмкий, чем само созидание. Данное определение, конечно, не касается людей случайных в искусстве и просто сумасбродов. Мы также можем разделяться на добрых и злых. Как полицейские.

– Добрый и злой полицейский, – вставил Алексей, – это всего лишь игра.

– У нас тоже. Нас всех объединяет одно – продажность. Всем хочется не просто жить, а хорошо жить. Вот тогда, оставаясь умной и грамотной бездарью, мы становимся энергичными. Так, этого надо вознести? Вознесём. Этого растоптать? Растопчем. А этого похвалить, но не сильно? Похвалим слабо. Любой каприз за ваши деньги.

– Жёсткая характеристика, – сказал Дмитрий.

Арсений Викторович пояснил:

– Во-первых, я уже в том возрасте, когда могу смело го-

ворить правду. – И в голос засмеялся. – Правда, только в узком кругу и без протокола. А во-вторых, живопись сейчас уже далеко не в том фаворе, что раньше. В смысле – массовости. Так что, мои нападки больше касаются критиков кино и литературы. Это более массовый вид искусства. Хотя и литература уже не то. А живопись, всё-таки, для избранных. Это элита искусства. У настоящих коллекционеров. – После секундной паузы конкретизировал. – Настоящая, конечно, живопись. Живопись, где талант гармонирует с мыслью и духовной зрелостью. – И закончил уже философски. – Так странно устроен наш мир?! Люди талантливые всегда зависят от бездарей, которые на социальной лестнице постоянно находятся выше. А может это неспроста? Может так и надо? Только, интересно, почему и кому?

Арсений натянуто улыбнулся, а олигарх снисходительно засмеялся.

– Правду на хлеб не намажешь и в бокал не нальёшь, – сказал он. – Правду можно знать, но не говорить. А говорить правду, это глупость. А умный человек глупостей не делает.

– Выводы не новы в своей циничности и в своей логичности, – грустно ответил искусствовед. А потом вдруг опять широко улыбнулся. – К сожалению, это так. Я не считаю вас полными профанами в искусстве, а просто людьми менее в нём осведомлёнными, чем люди, погружённые в искусство. Должен вам сказать, что до периода Возрождения художник считался обычным мастером. Ремесленником, как, напри-

мер, каменщик, гончар или плотник. А живопись, естественно, считалась ремеслом. Художники спокойно жили не тужили, не догадываясь о своём величии и превосходстве над другими, творили под заказ и для души, как совершенно неожиданно на заре Ренессанса их начали восхвалять и возносить всё выше и выше. И начало этому положили теперь известные всему миру имена – Данте, Петрарка и Боккаччо. Так поэты и писатели вознесли художников, и те в один момент стали в один ряд с полководцами и государственными деятелями. А уже к шестнадцатому веку меняется и внешняя жизнь художников. Когда были простыми ремесленниками, они жили скромно и умеренно, а когда стали законными и признанными живописцами, то обросли роскошью, заимев дворцы и многочисленную челядь. Как, например, признанные гении кисти Рафаэль и Микеланджело. Только остаётся до конца не выясненным, творческая личность, продавая дар, данный ему свыше, продаёт только дар или вместе с ним ещё кое-что, более значимое?! Ценная пища для размышлений. Хотя для многих несъедобная и неудобоваримая. Однако, господа, вернёмся к сегодняшней реальности. В ней мою бездарность, как художника, и лень, как искусствоведа, радует и оправдывает бездарность, а то и откровенное разгильдяйство многих маститых художников,.

Все вопросительно на него посмотрели.

– Повальная одержимость живописью привела в своё время к полному крену этого искусства, – сказал Арсений с ка-

ким-то душевным разочарованием. – Многие художники, совершенно не имея склонности к элементарному рисованию, стали знамениты, а некоторые и богаты. Это тот случай, когда посредственность полностью затмевает талант. Нечто подобное сейчас происходит в литературе. И я думаю, что всё это тоже происходит неспроста. Значит, кому-то это надо?! Возможно, даже выгодно?!

Все трое согласно кивнули головами, а Алексей сказал:

– «Киса, скажите мне, как художник художнику, вы рисовать умеете?»

– Беда Остапа Бендера в том, что он нарисовал своего «Сеятеля» в советской России. Художник становится знаменитым тогда, когда за дело берутся могущественные силы. Только они в силах сделать даже бездарность «гением», а его мазию выдать за шедевр. А потом на художественной химере здорово заработать. Таков мир искусства.

– Таков весь мир, – не улыбаясь, сказал Арсений. – И с миром это началось давно, а вот с живописью только с девятнадцатого века. До этого все живописцы рисовать умели и отличались друга от друга жанровой направленностью и степенью таланта.

Хозяин высказал свою точку зрения:

– Думаю, и там всё не так просто и однозначно. Однако, ладно, вернёмся от общего к частному. От живописи вообще к данной картине в частности.

Арсений опять улыбнулся:

– В чём ценность любой картины? Правильно, в имени художника. В первую очередь. А уже потом вступают в силу достоинства картины. Детали. Их много, а если не хватает, то искусствовед ещё найдёт. Мы не только очень наблюдательны, но ещё и чертовски изобретательны. Так вот, картина, за которой мы летим, это не просто Рембрандт. Это единственная его картина на морскую тему. Но и это не самое важное.

– А что же самое важное тогда? – спросил Борис.

– А самое важное то, что движет художником при создании полотна. Восхищение, неизгладимое впечатление, плод каких-либо философских раздумий, а может просто амбиции, тщеславие или безумие. Там, где творчество, это всё имеет место быть. А картины такого рода, как та, которую вы собираетесь приобрести – это почти всегда мощный духовный порыв! Когда кисть водит не рука, а душа.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Беседа ещё длилась с полчаса, когда хозяин, заметив, что друг Лёха опять впадает в тягостное расположение духа, предложил перекинуться в картишки.

Борис, не дожидаясь общего согласия, достал из внутреннего кармана запечатанную колоду карт, сорвал обёртку, вытряхнул карты, перетасовал с ловкостью карточного шулера и вопросительно посмотрел на босса.

– Арсений Викторович, вы в покер играете? – спросил тот.

Искусствовед смутился, ступешался, а потом откровенно признался, что всегда хотел научиться, но не представлялось подходящего случая.

– Сейчас мы эту оплошность исправим, – бодро сказал Боря и принялся показывать разные покерные комбинации, терпеливо объясняя иерархию позиций.

Через четверть часа, принимая экзамен, он погрузился и разочарованно констатировал:

– Я думал, что в полёте всё всеми схватывается на лету, но, видно, не всеми. Извините, профессор, но скорость движения самолёта обратно пропорциональна скорости вашей мысли.

Арсений покраснел и вспыхнул:

– Молодой человек, доживёте до моих лет, если, конечно, доживёте, и вы с удивлением можете обнаружить, что у вас вообще нет не только скоростных, но и трезво стоящих мыслей. Останутся только лежачие.

Вмешался хозяин:

– На высоте разреженная атмосфера, к тому же сильно сказывается на умственной потенции солнечная радиация. Господа, берегите нервные клетки, нервную систему в целом и будьте взаимно вежливы. Это укрепляет иммунитет, а благоприятная внутренняя атмосфера нейтрализует атмосферу радиационную. Посему, предлагаю перекинуться в подкидного. Дёргаться, пересаживаясь, думаю, не стоит?!

Недавний учитель с неприязнью посмотрел на бестолкового ученика, с которым ему предстояло играть в паре.

– Вы хотя бы в дурака играть умеете? – спросил Боря.

– В дурака умеет играть даже дурак, – ответил ученик, ставший партнёром.

Борис был профессионалом во всех отношениях и во многих сферах человеческой деятельности. За что, собственно, и был ценим и востребован. Только благодаря ему, его хорошей памяти и оригинальному тактическому мышлению, они сумели «повесить девятки» своим соперникам. Чему искусствовед радовался, как ребёнок.

Но когда дело дошло до пиковой дамы, которую враги собирались водрузить, как флаг, на шпиль башни поверженной крепости, даже у Бориса терпение кончилось. Он бросил карты на стол и выдохнул:

– Всё, выдохся. Я не сдаюсь, но требую перемирия. Надо провести рекогносцировку.

Борис откинулся в кресле и закрыл глаза. Алексей, привыкший к порядку, собрал карты, сложил их в коробку и пододвинул к начальнику службы безопасности.

Затем все трое, не проронив ни слова, переглянулись, усмехнулись и вальяжно откинулись в креслах, повернув головы к ближнему иллюминатору, который находился по левому борту.

Солнце было справа и выше, а перед ними простиралась бескрайняя синева, усыпанная порванными пятнами высо-

кослоистых облаков голубовато-зелёного цвета.

Все невольно залюбовались величием открывшегося пейзажа, живым и дышащим. Они будто попали под его гипноз: взор их стал недвижим, а мысли замедлились и приняли философское направление, где конечная станция – Вечность.

Но если открывшуюся перед ними картину можно назвать природным пейзажем, то следующее, что произошло, носило название природного явления.

Это случилось так неожиданно, что все в испуге инстинктивно отшатнулись от иллюминатора.

– Что это? – дрогнувшим голосом воскликнул Арсений.

Борис, сидевший ближе к стеклу, резко открыл глаза, но тут же закрыл опять. Опёршись о подлокотники и выпрямив спину, он вторично открыл глаза, но уже медленно, будто опасаясь ослепнуть от ослепительного зрелища.

За иллюминатором, на расстоянии, казалось, вытянутой руки, висел огненный шар ярко белого цвета. Размером он был чуть больше футбольного мяча.

– Это шаровая молния, – сказал Дмитрий.

– А ведь она движется на той же скорости, что и мы, – сообщил очевидную истину Алексей, до которой остальные сразу не додумались.

– Это опасно? – слегка обеспокоенно спросил искусствовед.

Олигарх ответил с лёгким раздражением:

– Вы у нас спрашиваете, как будто мы учёные-физики,

изучающие шаровые молнии. Любые молнии опасны, а шаровые самые необъяснимые и непредсказуемые.

– Точно, – поддержал в этом вопросе друга Алексей. – Самая загадочная и до сих пор толком не изученная мощная энергетическая субстанция. Этакий сгусток энергии. Но настолько взбалмошный и капризный, что никто не может предугадать, какой фокус он выкинет в следующий момент.

Но в следующий момент, с вытаращенными глазами, прибежали из обеденной зоны двое охранников, а один из них во всё горло доложил:

– Там у нас за окном какая-та хрень! Яркая и летит рядом!

– Смотри, здесь такая же?! – удивлённо и восторженно сказал второй.

– Их много, – ехидно ответил Дмитрий. – В каждом иллюминаторе по хрени. С лихвой хватит на всех. Вы, – он в упор посмотрел на высоких молодых парней, – оставайтесь здесь и следите за этой, а мы пойдём поближе к кабине пилотов. Там их тоже полно. Попробуем обезвредить.

Не привыкшие спорить, охранники остались, а все остальные инертно последовали за боссом в другую часть салона. Никто не поинтересовался при этом, каким мотивом тот руководствовался. Они были уверены, что он знает лучше, что надо делать. Да и спорить на пустом месте глупо. Как, впрочем, вообще глупо и бессмысленно спорить с боссом. А бывает, что и не безопасно.

– Может, обратим внимание пилотов? – предложил Арсе-

ний, когда они оказались непосредственно возле двери, отделяющей общую площадь самолёта от его кабины. При этом все неотрывно продолжали следить за таинственным объектом, который продолжал нагло следовать параллельным курсом.

– А они, по-вашему, не видят? – саркастически спросил Борис.

– И вообще, – подал голос Алексей, – почему мы все так всполошились? Ну летит шаровая молния рядом и пусть летит. Давайте просто сядем и будем любоваться этим редким и завораживающим зрелищем. Всё равно ведь ничего сделать не можем?!

– Да, действительно, – вынужденно согласился хозяин. – Давайте к этому подходить если и не с восторгом, то без страха и паники. Кто может любоваться – пусть любит, кто нет – пусть проводит мониторинг. Можно с закрытыми глазами. Это лучшая жизненная позиция.

Однако лучшая жизненная позиция рухнула через несколько мгновений. Произошло новое завораживающее зрелище, которое, вместо восторга, любования и мониторинга, вызвало в присутствующих минутный ступор, смешанный с неподдельным страхом.

Шаровая молния резко ушла в сторону, потом вернулась, нырнула под крыло и там взорвалась огромным фейерверком. Сразу после этого в атмосфере потемнело, будто неожиданно наступил поздний вечер.

– Что происходит? – полушёпотом спросил Арсений.

Все промолчали, потому что никто ничего не понимал.

– И почему стало совсем темно? – задал он второй вопрос.

На этот раз Дмитрий, Алексей и Борис переглянулись понимающими взглядами.

– Ребята, – сказал Борис, глупо улыбнувшись, – мы летим на холостом ходу. Планирующий полёт.

– Похоже, что это факт, – согласился олигарх и опустился в кресло.

– Мы заглохли? – спросил Арсений и последовал его примеру.

– Мы нет, – ответил Борис. – А вот двигатели заглохли.

Алексей предпринял попытку мыслить логически:

– Если допустить, что шаровая молния столкнулась с левым двигателем, то почему вышел из строя и правый? Я этого понять не могу.

– Я могу предположить, что из солидарности, – без улыбки пошутил Дмитрий. – Но точную причину установят специалисты, когда извлекут их обоих из-под обломков.

Резюмировал искусствовед, задав очередные гипотетические вопросы:

– Самолёт упадёт? Мы разобьёмся? Мы погибнем? – И вдруг с крохотной надеждой задал вполне практичный вопрос. – А почему в салоне свет горит?

Но ответ Бориса похоронил и эту надежду:

– Не обольщайтесь. Свет горит от аккумуляторов. – И до-

бавил. – Жаль, что нету ещё электросамолётов, как электро-мобилей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дмитрий решительно встал.

– Так, – сказал он громко и твёрдо. – Сейчас мы выясним, что по этому поводу думают пилоты.

Борис поддержал:

– И почему они до сих пор молчат, как двигатели их самолёта? Почему я не слышу их остроумных шуток? Что, от страха стало не шуток?!

Но как раз в это время из кабины вышел второй пилот. Смуглый, курчавый мужчина лет сорока оглядел своих пассажиров, виновато улыбнулся и сообщил:

– Месье, с самолётом, как вы, видимо, уже догадались, произошла техническая неприятность. Отчасти, вероятно, из-за шаровой молнии, а отчасти по неизвестным причинам. Сложилась форс-мажорная ситуация с элементами мистики. Навигационная система вышла из строя. – И пояснил. – Дисплеи основного и дублирующего бортовых компьютеров погасли, радиосвязь не действует. И, наконец, все три двигателя странным образом отказали одновременно. Мы не только отрезаны от внешнего... земного мира, но и в воздушном мире находимся в положении слепых котят. Мы не знаем высоту, мы не знаем скорость, а ещё, из-за внезапно наступив-

шей «тьмы Египетской», мы даже лишены возможности визуально наблюдать горизонт. Всё, месье, хотя мы ещё и летим, но уже, кажется, прилетели.

Алексей, предупреждавший о своей интуиции и не раз отговаривавший друга от этой глупой затеи, благородно молчал. Борис был вообще абсолютно спокоен. Арсений, крепясь из последних сил, бледный и осунувшийся, с испуганным взглядом, затравленно спросил:

– И никакого выхода нет? Мы все погибнем?

Олигарх, не глядя на Арсения, спросил по-французски у пилота:

– И ничего нельзя сделать?

На что пилот, посмотрев вверх, ответил:

– На всё воля Аллаха.

Пропустив мимо ушей наивное, по его мнению, предложение о спасении, Дмитрий холодно спросил:

– Где, хотя бы ориентировочно, мы находимся в данное время? В каком государстве мы... приземлимся? Это вы хотя бы знаете?

Пилот улыбнулся уголками губ:

– Когда заглохли двигатели, мы входили в воздушное пространство Беларуси.

Олигарх усмехнулся:

– Не дотянули совсем малость. Однако, не чужая страна. Был здесь у меня когда-то очень неплохой бизнес.

– Сколько времени у нас осталось? – спросил у пилота

Алексей.

Тот прищурил глаза, покумекал и ответил:

– До отказа двигателей мы находились на высоте почти трёх миль. Из соотношения десяти к одному, я думаю, где-то минут 15—20, не больше. Пришло время думать о вечности.

Дмитрий думать о вечности не хотел и не собирался.

– Надо позвать парней и сообщить им, – сказал он. – Ну что, Боря, пришло твоё время. Не зря ты столько лет таскал эти баулы.

– Я-то не зря, – ответил Борис. – А вот насмехался ты зря.

– Признаю свою ошибку, – радостно раскаялся магнат.

– Мы уже давно здесь, – раздались голоса из прохода позади.

Охранники стояли с растерянным видом, стараясь никому не показывать своего страха. Они пропустили Бориса, уходящего в хвост самолёта, а пилот уже собрался вернуться в кабину.

– Подождите минуту, – попросил Дмитрий. – У нас есть два парашюта. Мы решим, кто нырнёт за борт, а вы откроете дверь.

Вскоре вернулся Боря, неся в каждой руке по парашютной сумке. Пройдя мимо охранников, которые опять посторонились, он вышел на свободное место между пилотом и товарищами и поставил сумки, примкнув их вплотную.

– Это два парашюта, – сказал он спокойно и негромко. – Которые, несмотря на издевательства босса, я беру в каждый

наш полёт. Кажется, наступил момент, когда из лишнего груза они превратились в средства спасения.

Все всё поняли. Алексей прошёл к креслу, сел и отвернулся к иллюминатору, за которым по-прежнему были сумерки с едва различимыми очертаниями серых облаков. Остальные продолжали стоять.

Дмитрий молчал, хотя взоры всех были устремлены на него. Он размышлял. Точнее, решение уже было принято, оставалось лишь его деликатно озвучить. Но он медлил. А время шло. Наконец, олигарх решился.

– Боря, – обратился он к своему верному телохранителю, – ты меня поймёшь. Самолёт ещё не упал и не разбился. И далеко не факт, что это случится. Возможно, этим французским асам удастся посадить его на какую-нибудь трассу или на ровный луг. – Дмитрию от этих слов немножко стало стыдно, но он продолжил. – Ты был, Боря, не только моим надёжным охранником, но и верным, преданным другом. И сейчас я обращаюсь к тебе именно как к другу. Ты должен остаться в самолёте и держать ситуацию под контролем. Чтобы не было паники и нервных срывов. Ты знаешь, что надо делать в экстренных... в экстремальных ситуациях. Так надо, Боря. Я на тебя очень рассчитываю и надеюсь, что ты поймёшь и не подведёшь.

Высокий, широкоплечий шатен не проронил ни слова. Лишь в конце молча кивнул головой.

– Кого готовить к прыжку? – только и спросил он.

– Арсения Викторовича, – ответил босс. – Как-никак, но он здесь самое постороннее лицо. И если вы все на службе, то его в эту западню заманил я. Не нужен мне лишний грех, их у меня и так выше крыши. Давай, время не ждёт!

Искусствовед побледнел до трупного цвета и истерично замахал руками:

– Только не это! Лучше разбиться со всеми, чем одному! Лучше в самолёте, чем в воздухе! Шмякнуться о землю и в лепёшку?! Отсюда не видно земли, не так страшно!

– Арсений Викторович, – ласково обратился Дмитрий, улыбнувшись, – а кто же будет мне помогать? Кто будет инспектировать картину? Сделку никто не отменял. Мы её только немножко перенесём. И я вас умоляю, вы же не ребёнок, держите себя достойно высокого звания доктора искусствоведения. Всё будет хорошо. Вы будете не один, рядом буду я.

И тут один из охранников набрался храбрости и сказал:

– Самым справедливым решением будет бросить жребий.

Все удивлённо, даже Алексей отвернул голову от иллюминатора, посмотрели на смельчака. А Борис медленно к нему подошёл и посмотрел сверху вниз в глаза.

– Ты прав, – сказал он всё тем же спокойным тоном. – Бросим жребий. Но только после того, как я брошу тебя за борт. Естественно, без парашюта. Согласен?

На этом инцидент был исчерпан. А Борис стал готовить к прыжку искусствоведа. Тот, поняв, что сопротивляться

бесполезно, стоял как манекен, которого экипируют. Из вещевой сумки была извлечена тёплая одежда, которая бралась для ношения на родине, где весна в этом году выдалась на редкость дождливой и холодной. Арсений, находясь в состоянии фрустрации и психологической прострации, помогал лишь тем, что вяло поднимал руку или ногу. Лишь откуда-то издалека до него доносились слова, в виде инструкций и ободрений.

– Викторovich, – фамильярно, по-свойски, говорил Боря, – ты не ссы в компот, не делай шума. Твоя задача только приземление. Подождёшь коленки, а когда почувствуешь соприкосновение с землёй, сразу падай. В любом случае, дорогой, останешься жив. – И подёргал за его спиной парашютный ранец. – Это же Д-10! Самый надёжный парашют в мире! Прыгнешь, сработает стабилизатор, раскроется стабилизирующий парашют, он потянет за собой основной. Потом будешь всем хвастаться! Тебе понравится! Дураки платят деньги, чтобы прыгнуть с парашютом, а тебе предоставляется шанс прыгнуть бесплатно! Это кайф!

Бледный искусствовед попытался улыбнуться, но получилась дикая гримаса. Боря скомандовал, похлопав Арсения по плечу:

– Приготовиться к прыжку. – Потом пилоту. – Месье, будьте любезны, откройте дверцу, эти господа здесь сойдут. Пилот удалился в кабину, а Боря продолжал руководить. Он нежно пододвинул Арсения поближе к двери и сказал

Дмитрию:

– Первым пойдёт новобранец. Следом, Димон, ты. Будешь контролировать полёт.

Открылась дверь. Арсений отпрянул, но наткнулся на железобетонную глыбу, которая с улыбкой вытолкала его в воздушную среду, которая, в свою очередь, завертела искусствоведа, как пёрышко. А он, бедолага, барахтался, не находя под ногами опоры. Только почувствовал, как по ноге потекла тёплая струя.

– Счастливо приземлиться! – прыгая, пожелал Дмитрий.

– До встречи на земле, – ответил оставленный друг.

Пролетев всего несколько мгновений, олигарх с удивлением услышал звук заработавших двигателей. Он был ошеломлён и потрясён до глубины души таким коварством техники.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Зачастую свет славы ослепляет путника. И дело не только в силе света, но и в направленности светового потока. Иным он освещает путь, и его отблески лишь частично мешают внутреннему зрению. Другим же светит прямо в глаза, затмевая не только разум, но и душу. Свет, затмеваящий и глаза, и разум, и душу, пробуждает в человеке непомерную гордыню и приводит к безумию. Не всегда, правда, очевидному и заметному окружающим. И совсем не заметному, когда окружение состоит из таких же ослеплённых безумцев.

А чтобы не стать безумцем от света славы, нужен другой свет – внутренний. Который не только уравнивает, но и доминирует над сиянием временным и крайне не стабильным. Этот временный свет невидимый световой мастер может выключить в любой момент. И если не горит внутренний свет, то человек остаётся в полной темноте. И это очень страшно.

Михаила Гаремова можно было с полным основанием считать баловнем судьбы. Хотя и судьбой, скорее всего, тоже кто-то управляет. Судьба, сама по себе, есть линия жизни. Причём, кривая линия. Возможно, с рождения у всех людей эта линия прямая, и ведёт она к Истине, Любви и Счастью. Всё гениальное просто, а Великий Геометр, несомненно, гений. Он с самого начала указывает нам кратчайший путь к Гармонии.

Но мы создания дерзкие, капризные и своевольные, любящие всё усложнять и ищущие преграды на ровном месте. И зачастую так искривляем нашу прямую линию, что к конечной цели доходят единицы. И в этом главная наша беда. И не надо во всём винить только внешние обстоятельства и дурную генетическую наследственность.

Однако, Великий Геометр Вселенной не остаётся безучастным к нашим метаниям, отклонениям и крутым разворотам, уводящим от пути к Истине, и постоянно преподносит нам предостережения, предупреждения, а самым непослушным гордецам и бестолковым неучам – откровенные

угрозы и наказания. И это тоже проявление высшей любви. Которую многие из людей воспринимают, в силу своей глупости и своего эгоизма, как незаслуженную жестокость.

Прохиндеи астрологи, а вслед за ними и мы, называем это знаками судьбы, которую, по их недомыслию или сознательному коварству, определяют звёзды и звёздные скопления. Глупо и беспечно отгесняем на задний план самого вершителя судеб, а нередко и вовсе перечёркивая и отрицая его значение. Одним словом, ставят на Великом Геометре крест, не желая понимать, что этот поставленный крест насмерть придавит их же. А кто-то просто скажет: «Судьба такая». И окружающие согласно закивают головами, считая эту фразу пределом мудрости.

Михаил был очень известным и, бесспорно, очень талантливым актёром. С самого раннего детства он находился в обширных отблесках славы, исходящей от отца, актёрской звезды первой величины.

И это не могло не сказаться на психике и характере ребёнка, подростка, а потом и молодого человека. Высокомерие, вседозволенность, духовная слепота и душевная глухота стали главными чертами его личности.

Но в каждом человеке, не поглощённом окончательно тьмой, тлеет животворящая искра, ждущая силы духа, который сможет раздуть её в вечный свет вечной жизни.

И как же трудно найти в себе эту силу духа, когда ты молод, знаменит, вокруг доступные утехи и наслаждения?!

А ещё беспшашная молодость убеждает нас, что так будет продолжаться бесконечно.

Далеко не все освобождаются от этого глупого стереотипа с возрастом. Говорят, мудрость приходит с годами. Как бы не так! С годами может прийти жизненный опыт. Причём, один, не прихватив с собой мудрость. А есть такие, к которым не приходит даже опыт. Есть, есть, не сомневайтесь. И эти особи не так уж редки. И неизвестно, жалеть их или ругать.

Михаил начал смутно осознавать гибельность своего пути годам к 45, хотя тревожные предчувствия терзали его душу и раньше. Но наша беспечность может сравниться только с нашей глупостью. Не прошибали его ни намёки, ни предостережения, ни лёгкие удары.

Михаил неуклонно катился в пропасть, пренебрегая множеством подсказок и уроков, списывая старания ангела-хранителя на какое-то эфемерное везение. Не понимая и не желая понимать, что в нашей жизни ничего просто так не происходит. Даже кажущаяся мелочь иногда имеет огромное значение. Всё имеет свою суть, взаимосвязь и неминуемые последствия.

Имея огромные гонорары, о деньгах он особо не задумывался, тратя их в ресторанах, барах, борделях, закрытых клубах и других увеселительных местах, которые поносят на словах и с завистью возносят в мыслях лживые и лицемерные люди, не имеющие возможностей пользоваться их

услугами.

А к своему полувековому юбилею Михаил дозрел до крамольной для актёра мысли, которой, впрочем, он ни с кем не поделился:

– Какой я идиот! – воскликнул Михаил как-то утром и с похмелья. – Гений, твою мать! Создаю натуральные образы, мастер перевоплощения. Играю, будто живу. Зато живу, будто играю! Но перед кем? И чем может закончиться эта игра? Актёр не может быть в принципе гением! Говорить чужие слова, исторгать из себя чужие чувства. Фальшивые, глупые и зачастую пошлые. Придуманные такими же фальшивыми и пошлыми писаками. Что ещё может быть более унижительным для человека? А зритель? Толпа! Сегодня они несут тебя на руках, а завтра бросят и затопчут ногами. Стадо! Быдло! Да, но они платят?! А за что? Тем более стадо! А коллеги? В стакане готовы утопить. А друзья? Да какие там друзья! Лицемеры, подхалимы и трусы! Ха! А сам-то ты чем лучше? В том-то и дело, что ничем! Такая же сволочь, как все!

Личный прогресс состоял хотя бы в том, что он дозрел до самокритики. Когда человек переходит от критики к самокритике, то, перефразируя известную фразу Нила Армстронга, он делает маленький шагочок для человечества, но огромный скачок для человека. То есть, становится на путь самопознания и личного совершенствования.

Но потом Михаил опохмелялся, принимал душ, выпивал

горячего крепкого кофе и уезжал в театр на репетицию.

Так жизнь и продолжалась: понимание было, изменений нет. Душа подавала сигналы SOS, а тело глушило эти сигналы алкоголем, работой и беспорядочным сексом.

В Беларусь Михаил приехал на три-четыре дня, где за каждый съёмочный день ему посулили гонорар, равный годовой зарплате белорусского рабочего.

И это несмотря на то, что к своим 55 годам он обрюзг, лицо стало рыхлым, а под глазами мешки не успевали разглаживаться. Да и играл Михаил уже без былого вдохновения и куража. Но созданный некогда бренд продолжал приносить дивиденды. И он старался не задумываться над тем, сколько это может продолжаться и что будет дальше.

Съёмки велись в двух географических точках – В Минске и в Мирском Замке, а сюжет в двух временных измерениях – в наши дни и в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков.

Режиссёр, лично встретивший Михаила, постеснялся тому предлагать целый сценарий, а, выслав ранее синопсис фильма и его роль, теперь кратко обрисовал ту эпоху и его персонажа – Николая Христофоровича Радзивилла, по кличке «Сиротка».

В тот же день съёмочная группа выехала в городской посёлок Мир. Михаил приехал из Москвы на своём джипе, поэтому и на съёмки поехал на нём же.

Поселив почётного гостя в гостинице «Мирский Посад»,

в номере с кроватью размера queen-size, режиссёр деликатно сказал:

– Михаил, я должен кое-что сказать. Прояснить, так сказать, ситуацию. Вы, конечно, извините, но по смете вы один стоите всех остальных актёров вместе взятых. Поэтому, весь съёмочный день будет посвящён сценам с вашим участием. Очень прошу вас отнестись к этому с большим пониманием и присущим вам профессионализмом. За два-три дня мы должны отснять весь материал здесь, и максимум за два дня – в Минске. У вас роль далеко не главная, но ключевая.

И молодой режиссёр отвёл взгляд с актёра на кровать, прошёлся по стене и уткнулся Михаилу в нос. Смутившись, переместил его на свои ногти, которые мгновенно напомнили ему о срочном знакомстве с маникюрными ножницами. Совсем одичал с этой работой. И убрал руки за спину.

– Рома, не переживай, – успокоил народный артист. – Всё будет нормально. Как местный кабак?

– Не отравитесь, – неожиданно дерзко ответил режиссёр. – Главное, остерегайтесь передозировки алкоголем. Закусывайте салом, это укрепляет.

Михаил, конечно же, понял причину резкой перемены:

– Не ссы, Рома, я не совмещаю работу с загулом. Вечером, на сон грядущий, бокал вина. И всё!

– Михаил, я очень на это надеюсь. – Роман почти умалаяюще посмотрел на киношную "звезду". – Это мой первый полноценный фильм. Мой дебют.

– Можешь быть спокоен, – ещё раз заверил Михаил. – По моей вине фильм не провалится.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

К удивлению режиссёра, опасавшегося срывов и скандалов, Михаил слово сдержал. Он не только держал себя в профессиональном тоне, но и к Роману на съёмочной площадке относился с должной субординацией. Прекрасно понимая, что режиссёр здесь главный персонаж. А он, как актёр, должен воплотить на экране не столько историческую личность, сколько исторического персонажа, придуманного сценаристом и убедившим в своей выдумке режиссёра.

Михаил свой гонорар отработывал сполна, ни разу не выказав недовольства или претензий по поводу того, что съёмки велись практически круглые сутки. Делали перерыв на приём пищи и короткий отдых. Спать приходилось урывками по несколько часов в течение суток.

Именитый актёр лишь перед сном позволял себе бокал красного вина, выпивая его залпом. Этот напряжённый график мобилизовал Михаила и показал окружающим, что, несмотря на все его недостатки и пагубные пристрастия, он действительно является актёром с большой буквы.

А ещё, среди всей этой круглосуточной съёмочной кутерьмы, Михаил не забывал звонить жене, сыну и дочери, интересуясь их здоровьем и делами. И это была не показуха.

Но к вечеру третьих суток съёмки психологические и физические мытарства закончились. Весь материал был успешно отснят.

– Так, господа, – обратился режиссёр Роман ко всему актёрскому составу. – Кто не задействован в съёмках в Минске, могут быть временно свободными. Но обязательно на связи. Остальные же ужинают и ложатся спать, чтобы завтра в семь часов утра... да, да, милые мои, в семь часов утра проснуться, умыться, позавтракать и выехать в столицу. Завтра 2 мая, Пасха. Делаю выходной. Для вас, кстати, выходной, но не для меня. Я буду заниматься подготовкой павильонных сцен. Но и вас прошу не расслабляться чересчур. Послезавтра все должны быть в полной боевой готовности. – После этого он обратился лично к Михаилу. – А вас, Михаил, я от всей души благодарю за качественно проделанную работу! Вы были на высоте. Ещё несколько дней напряжённой работы в городе, пригороде и павильоне. Я очень на вас и впредь надеюсь?!

– Это правильно, – ответил актёр. – Только Надежда не позволяет человеку опускать руки, когда в Вере и Любви он разочаровался. Хотя, на что тогда надеяться? Не знаете? – Роман отрицательно покачал головой. – А надеяться, Рома, не на что. Если в человеке убить Веру и Любовь, Надежда сама удавится. Хотя, в жизни теперь предостаточно заменителей: и первой, и второй, и третьей. Маленькие такие, глупенькие, пошленькие верочки, любви и надеждочки. Эта-

кие смазливые утешительницы на час. А сколько людей живут только с ними?! До фиги! И ничего, вполне бодрые и здоровые. Только жизнь ли это? То-то. Где вы меня в Минске поселите?

– На вас уже бронирован номер в гостинице «Минск». К вашим услугам ресторан и казино.

Михаил прочитал гамму чувств на лице режиссёра.

– Рома, не беспокойся, – успокоил он, улыбнувшись. – Азарт к азартным играм у меня умеренный.

Ужинали в половине девятого. Чтобы не было сумятицы и неразберихи, все места в ресторане «Мирский Посад» были распределены заранее.

Михаилу, по прихоти администратора, в сотрапезники достались Эльжбета Евфимия Вишневецкая – жена, умершая, но часто являющаяся во сне и в виде привидения; Эльжбета Радзивилл – красавица дочь; и Лев Сапега – личность в истории Речи Посполитой почти легендарная.

– Ну что, Лёвушка, – обратился Михаил к своему политическому сопернику, – ударим текилой по усталости, апатии и политическим разногласиям?! Эльжбеточки, вам, как обычно, вина или чего-нибудь покрепче?

«Лёвушка» насупился и отказался:

– Спасибо, нет. Хочется просто поесть и поспать.

Дамы оказались менее капризными и более выносливыми. Они согласились кутнуть, хотя от текилы и отказались.

Михаил, изрядно взбодрившись алкоголем, был в ударе.

Непринуждённый разговор так же непринуждённо перетёк в двусмысленные шутки, в двусмысленные намёки и совсем не двусмысленные подмигивания.

Олег, бывший Львом, через двадцать минут покинул коллег, пожелав им прекрасной ночи.

Оказавшись без ненужного свидетеля, дамы стали откровеннее, а выпитое вино сделало их развязнее и наглее. Психологи такое состояние называют коммуникабельностью. Михаил, почувствовав близкую сдачу сразу двух крепостей, плюнул на всякую двусмысленность.

– Предлагаю продолжить ужин в моём номере, – сказал он серьёзно, посмотрев поочередно на «жену» и «дочь».

– Кому предлагаете? – спросила «жена», глупо хихикнув. – Мне, законной супруге? Или родной дочери? А?

Михаил сделал вид, что думает.

– Супружеский долг, – сказал актёр медленно, глядя в глаза «жене», – конечно, дело святое, а инцест – страшный грех. – Тут он перевёл взгляд на «дочь». – Но почему-то сегодня так хочется согрешить... аж удержу нету!

Подвыпившая «жена», изобразив высокомерие и уязвлённое самолюбие, холодно заявила:

– В таком случае, дорогой, я подаю на развод!

Градус у «дочери» был не ниже:

– Мама, ты уже давно умерла. Покойся с миром.

Взгляд «матери», брошенный на «дочь», был настолько убийственным, что «дочь» поёжилась, по спине пробежали

мурашки, а Хмель, слуга Бахуса, мгновенно испарился.

Михаил проснулся от того, что очень хотелось пить и что-то нещадно щекотало в носу. Открыв глаза, он почесал нос, обнаружив на нём чужую руку. Осторожно отстранив голою руку, актёр с минуту лежал с открытыми глазами, привыкая к полумраку. Сквозь тонкую штору в комнату проникал свет от полной луны.

Михаил встал и посмотрел на спящую девушку. Ей было лет двадцать пять, стройна и миловидна на лицо. Спала она совершенно обнажённой. Потому что всё одеяло находилось на половине Михаила. Распущенные длинные, каштановые волосы разметались по подушке, красивая упругая грудь вздымалась и опускалась под равномерными вздохами-выдохами. Одна нога была вытянута, вторая согнута в колене.

Он бросил мимолётный взгляд на аккуратно постриженный лобок девушки, но вместо ожидаемой волны желания, к горлу подступила тошнота.

Михаил быстро перевёл взор на столик. На нём он увидел обворожительный силуэт бутылки и нелепые пятна какой-то снеди. К пятнам Михаил всегда относился брезгливо.

Сделав из горлышка бутылки три больших глотка, актёр вдохнул, выдохнул и некоторое время постоял, ожидая, когда алкоголь «провалится» и отдаст желудку приятное тепло.

Получив ожидаемый эффект, Михаил подошёл к кровати, накрыл девушку одеялом и пошёл в душевую привести

в порядок и тело, и мысли.

Вернувшись через двадцать минут в комнату, он вновь припал к бутылке, закрыв глаза и делая глоток за глотком. Остановился лишь тогда, когда начал, вместо живительной влаги, всасывать воздух.

Михаил посмотрел на часы – половина третьего. Положил их обратно на столик и задумался. Спасть не хотелось. Точнее, не хотелось завтра утром вместе просыпаться. Что-то говорить, что-то, скорее всего, обещать. Он всегда предпочитал связи, ни к чему не обязывающие и исключаящие взаимные претензии. А здесь явно был другой случай. Он уже далеко не молод, уже не красавец и совсем не мачо. И всё это Михаил прекрасно понимал. А что нужно молоденьким красивым девушкам-актрисам? Карьера. Он чувствовал себя омерзительно. Волна злобы на себя перекатывала на спящую девушку.

Решение пришло неожиданно. Михаил быстро собрал вещи и вышел из номера. Спустившись со второго этажа, он застал ночного портье за чтением книги.

– Откройте дверь, – сказал он сухо. – Я съезжаю. Там в моём номере спит девушка. Не беспокойте с утра – пусть выспится.

– Она жива? – спросил мужчина лет сорока, вставая.

– Дверь открывай, придурок! И бросай читать детективы, а переходи на юморески. Это полезнее для здоровья.

Михаил выехал на трассу Новогрудок – Столбцы и нада-

вил на газ. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он увидел вдалеке свет от фар, но впереди дорога была пуста. Он ещё придавил педаль газа. До райцентра было 20 километров, а от него до столицы ещё 77.

За час Михаил планировал добраться до пункта назначения, вселиться в номер, где-нибудь выпить и завалиться спать. И никаких баб. Только одному и можно даже в одежде.

Однако, как говорится, мы предполагаем, а...

На автодороге Столбцы – Минск актёр на своём джипе жал 120—130, получая удовольствие от скорости и почти пустой трассы. Михаил даже не почувствовал, как буквально на мгновение слиплись веки, а ещё через мгновение в закрытые глаза ударил луч яркого света.

Он быстро открыл глаза, успел увидеть впереди огромный грузовик, начавший с рёвом и скрипом тормозить, и крутанул руль вправо. Джип пролетел мимо светящихся фар, выскочил с асфальта, но не перевернулся и ни во что не врезался.

С опозданием Михаил нажал на тормоз, заглушил двигатель, откинулся на сиденье и с облегчением закрыл глаза. Он только что избежал аварии и, возможно, инвалидности. А может – и самой смерти. Джип, конечно, мощный автомобиль, но против фуры он игрушка. Внутренности актёра окатил холод, а внешности – холодный пот.

Михаил в очередной раз понял, что чудом избежал смерти. В его жизни нечто подобное уже случилось дважды,

только при других обстоятельствах и без участия машин. Но впервые ему по-настоящему стало страшно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Виктор проснулся первым. Впрочем, как обычно – в каждое утро. Раз спишь с краю, то будь любезен вставай первым. И не просто вставай, а делай то и это. Кто первым встаёт, тому и кофе готовить.

Он посмотрел в сторону жены Тани, которая безмятежно посапывала, изредка всхрапывая. Сейчас Виктор с удовольствием сделал бы это, но будить ради этого жену было рискованно. Она сама выбирала время и место для подобных гимнастических упражнений.

Он свесил ноги и рывком поднял своё мощное тело. Натянув майку и спортивные брюки, влез в тапки и тихонько вышел из спальни.

Включив на кухне газ и поставив чайник, Виктор прошёл в прихожую, переобулся и вышел во двор. На улице ещё были сумерки.

Вообще-то, удобства для утренних необходимых процедур находились дома, но молодой мужчина в хорошую погоду предпочитал посещать уличное строение, оставленное по его личной инициативе, вопреки требованию жены сровнять его с землёй.

На обратном пути подходил к ручкомойнику на металли-

ческом штативе и с наслаждением умывался прохладной водой. И только после этого приступал к утреннему чаепитию.

Виктор с Татьяной поженились одиннадцать лет назад. У них было двое детей: девочка десяти лет и мальчик восьми лет. Он работал в совхозе механизатором, Таня – дояркой. Жили они дружно в новом доме, не замахиваясь поймать журавля в небе, но и не собираясь выпускать синицу из рук.

Когда Виктор торопливо вошёл в кухню, Таня уже была на ногах и заваривала себе кофе, а его чай стоял на столе, готовый к употреблению.

– Когда я вчера вернулась с вечерней дойки, – сказала заспанная жена, – ты уже дрых. Короче, слушай. Выпивай быстро свой чай и сразу же, пока темно, бери свой трактор и подъезжай к нашей ферме. Мы вчера с Ленкой заготовили двенадцать мешков муки. – Татьяна налила кофе в большую кружку. – Сегодня Пасха, у начальства выходной. Отвезёшь, как обычно, моим родителям, чтобы тут не рисоваться лишний раз. Так что, давай, пей чай и вперёд.

Виктор принялся поспешно пить чай, обжигая губы и язык.

– По хозяйству сама справишься? – спросил заботливый супруг.

– Что, впервой, что ли?! Не в бухгалтерии же сижу?! – Отхлебнув кофе, заметила. – Сволочь, конечно, эта Ленка.

– Чего это она сволочь? – вступился за заведующую фермой муж. – Вы же подруги?!

– Конечно, подруги, – согласилась жена. – Только я вкальваю, чтобы иметь всё это, – она крутанула головой, обводя стены и потолок, – а она, стерва, всё на дармовщину.

– Ты сама ей предложила такой вариант.

– Вариант – да. Но условия не мешало бы пересмотреть.

Ну ты сам подумай! Мука-то эта не её!

Виктор резонно возразил:

– Это её ответственность. Если совхозные коровы, телята, свиньи начнут голодать, то отвечать будет она. Или ты?

Татьяна не сдавалась:

– А мои родители должны на неё горбатиться?

– Всё, Танюха, завязывай. Все в доле: и она, и мы, и твои родители. Или тесть с тещей чем-то не довольны?

– Я не довольна, – насупившись, ответила жена. – Иди уже. Будь осторожен. Посматривай по сторонам. Мало ли... кругом одни завистники.

– Чего смотреть-то? Посевная почти закончилась. Все расслабились и спят спокойно. К тому же сегодня праздник. Теперь все стали страшно религиозны, даже те, кто в прошлом был ярым атеистом-коммунистом. Раньше били поклоны в партийных кабинетах, теперь бьют – в костёлах и церквях.

– Знаю я, как они спят. Сидят возле окон и подсматривают. Чтоб им пусто было! Да, Витя, не забудь родителей поздравить с Воскресением Господним.

– Я всё помню. Не забуду.

Виктор поменял брюки, обул короткие сапожки, накинул рабочую куртку и взялся за дверную ручку, как неожиданно был остановлен.

– Тьфу, ты! – воскликнула Татьяна. – Чуть не забыла!

Она ушла и через несколько секунд вернулась, неся в руках бутылку водки:

– На, дашь дяде Коле. Скажешь, что за соломой.

Через десять минут Виктор, отворив пошире ворота, вошёл на территорию совхозного автотранспортного парка. Подошёл к маленькому домику, состоящему из одной комнаты, и негромко постучал в дверь. Потом ещё раз постучал, но уже сильнее.

Наконец, дверь открылась и показалась заспанная и помятая физиономия сторожа.

– Какому злодею не спится в выходной и святочный день? – просипел он, стараясь разглядеть злоумышленника.

– Дядя Коля, это я.

Сторож голос признал мгновенно:

– А, Витёк! Чего это в такую рань?

– Трактор надо взять. Соломы тёще подвезти.

– Ну так и брал бы. Будить-то на хрена?

– Из уважения, – льстиво ответил Виктор. – А это тебе.

Презент, так сказать.

И сунул в руку сторожа бутылку. Пальцы того молниеносно вцепились в ёмкость мёртвой хваткой, и в секунду та куда-то исчезла.

- Через сколько обернёшься? – бодро спросил дядя Коля.
- Думаю, за час-полтора управлюсь.
- Добро.

За четверть часа Виктор доехал до фермы. Миновав два здания свиноферм, телятник и, проезжая коровник, увидел в свете фар силуэт. Остановив свой почти новенький "Беларус", он выскочил из кабины. И тут же услышал упрёк женщины:

– Витя, ты идиот?! Скоро светать начнёт. Смена на утреннюю дойку придёт. Давай быстрее!

Виктор помог открыть большие железные двери, запрыгнул опять в трактор и загнал его задом в склад.

– Подсоби, – скомандовала женщина, стоя возле открытого прицепа.

Виктор с удовольствием подсобил, подхватив её за ягодичцы и с лёгкостью забросив в кузов. Женщина обворожительно улыбнулась и приказала:

– Давай быстрее таскай! Шевелись!

Виктор иронично ухмыльнулся и принялся за работу.

Ему, при метре девяносто и весом в центнер, сорокакилограммовые мешки, что другому пятикилограммовые пакеты. За десять минут работа была закончена. Виктор принял на руки вспотевшую и запыхавшуюся заведующую, закрыл борт, прежним способом забросил её в кабину, влез сам и отъехал на десяток метров. Выскочил, закрыл ворота на ключ, посмотрел по сторонам и запрыгнул в работающий

трактор.

Положив ключи в протянутую руку, он надавил на газ. Через минуту они покинули пределы фермы и поехали просёлочной дорогой в сторону леса.

Родители жены жили в соседней деревне, в трёх километрах. Можно было ехать в объезд: часть по асфальту, а часть по гравейке. А можно было напрямки: по дикой тропе через лес и поле. По работе, естественно, ездили дальней дорогой, а по личным нуждам предпочитали короткую.

В кабине Елена отдышалась и привела в порядок растрепавшиеся волосы. Было видно, что женщина за собой ухаживает. В свои сорок она выглядела моложе. Была хорошо сложена и симпатична на лицо. Даже морщинки были только по уголкам губ и глаз. Что говорило либо о весёлом нраве, либо о саркастической недоверчивости. Впрочем, ни то, ни другое не мешало её семейному и простому человеческому счастью.

В кабине они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Елена положила голову Виктору на плечо, а руку на ногу. Виктор повернул к ней лицо и чмокнул в нос. Елена медленно стала двигать руку вверх по ноге и, наткнувшись на препятствие, начала его ощупывать. Пытаясь, видимо, установить размеры препятствия. Но препятствие неожиданно стало расти.

– Может, остановимся минут на 15—20?! – предложил мужчина.

– Обязательно, – согласилась женщина. – Только на обратном пути. Следи за дорогой. – После этого отстранила голову и убрала руку.

Они выехали с лесной дороги на полевую. До конечной цели оставалось километра полтора. Через полчаса Елена не выдержала:

– Ты куда едешь, придурок?

Виктор и сам ничего не понимал. Он хоть и молчал, но тоже начинал нервничать. Но на это грубое замечание взорвался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.